Жарко, С.Б., Ковалёв, А.В. Восприятие времени в средневековой Руси (прочтение летописных свидетельств) / С.Б. Жарко, А.В. Ковалёв // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2010. — С. 271-278.

С.Б. Жарко, А.В. Ковалёв

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ
(прочтение летописных свидетельств)

Еще А. Я. Гуревич отмечал, что большинство понятий, которых он касался в своей классической работе «Категории средневековой куль туры», осмысливались людьми средневековья отлично от нашего сегодняшнего восприятия либо же вообще не существовали в сознании средневекового человека [4, с. 5—16]. Таким образом, известный историк прямо признавался, что все эти понятия (как и само слово «категория») поставлены им в работе для того, чтобы с помощью современно го терминологического аппарата попытаться проникнуть во внутренний мир человека другой эпохи. Время во всех отношениях соответствует понятию «категория» А. Я. Гуревича. Восприятие же средневековым человеком такого слоя времени, как время историческое, представляется весьма интересным вопросом.

В отличие от сегодняшнего счета времени, исходящего от конкретной точки в обе стороны, будь то Рождество Христово или Хиджра, время в Древней Руси отсчитывается от одной точки (Сотворения Мира) и лишь вперед. Иными словами, в отличие от безначального и бесконечного современного времени средневековое имеет начало. Также, впрочем, оно имеет и конечную точку — Апокалипсис, Второе пришествие.

Обе точки достаточно четко локализуются во времени средневековыми книжниками. Так, на Руси используется в летописях стиль «От сотворения мира», который обычно датируется 5508 г. до Новой Эры.

Вместе с тем давно высказываются суждения о том, что в древнерусских источниках могли присутствовать и датировки неконстантинопольской эры. Уже сам перевод дат из различных систем летоисчисления в целях их упорядочения представлял собой архисложную задачу для древнерусского книжника. Но эта задача усложнялась еще и наличием существенных отличий между греческой и древнерусской календарными системами. Ведь в греческой традиции новолетие отсчитывалось от 1 сентября, а в древнерусской год начинался весной, поэтому система дополнялась такими понятиями, как мартовский, ультрамартовский и сентябрьский год.

Таким образом, систематизация всей этой информации была сопряжена с рядом трудностей, что и привело в итоге к тому огромному ко-

личеству разночтений в датировках событий, которое представлено в летописных памятниках. Например, А. В. Журавель приводит свои, хотя и во многом спорные, подсчеты, из которых следует, «что в датированной части «Повести временных лет», с которой начинаются почти все древнерусские летописи, на протяжении 260 лет (с 6360 по 6620) при мерно столетие не заполнено событиями, а на протяжении оставшихся 160 лет лишь 53 события (не года, а события) не имеют разночтений» [7, с. 209—214].

Но хотя год сотворения мира и определяется в средневековье с очень и очень большим разбросом, зато средневековые историки четко определяют день и месяц сотворения мира, опираясь здесь на свидетельства Библии. Согласно «Книге книг» творение было завершено в пятницу Божественной недели, 1 сентября. Основываясь на

этих данных и своих астрономических познаниях, средневековые богословы и рассчитали то огромное количество известных нам дат Сотворения мира [19, с. 39—54].

Еще одним интересным моментом, характеризующим не только восприятие в Древней Руси времени, но и отношение к истории в целом, являются начальные пассажи «Повести временных лет». Как известно, «Повесть» начинается не с описания Сотворения мира, как следовало бы ожидать. Собственно ее историческая часть начинается с описания мира после Ноя:

«Се начнемъ повесть сию. По потопе первие сынове Ноеви раздилиша землю» [14, стб. 3]. При этом во вступлении к «Пове сти» четко оговаривается ее основной интерес: «Се повести временьных лет откуду есть пошла руская земля кто въ киеве нача первие княжити откуду руская земля стала есть» [14, стб. 3].

Иными словами, «Повесть» начинает свое повествование со второго расселения людей на Земле. Выражаясь современным языком, летописцев интересует лишь «Русская земля». При этом данные о других народах даются лишь как необходимый фон к основному сюжету. Отсутствие истории о сотворении мира и истории от сотворения до воплощения Бога тоже вполне понятно, ведь, по мнению средневекового человека, нет никакого смысла переписывать Библию. Но при этом еще раз отметим, что счет лет идет в «Повести» от сотворения Мира, а не от потопа. Таким образом, названная дата все равно является первой да той в сознании летописца.

Определенный интерес представляет и фраза «Се повести временьных лет». Так, А. А. Гиппиус выявил совпадения текста с текстом Деяний апостолов, 1:7 [2, с. 452—453]. И. Н. Данилевский, в свою очередь,

обратил внимание на то, что в данном пассаже слово «время» используется не в значении «минувшие года» или «погодные записи», а характеризует христианскую концепцию времени как отмеренного срока [6, с. 353—354].

Например, в подобном же значении используется слово «время» в пассаже об убийстве в 1217 г. князем Глебом Владимировичем своих братьев. Так, описывая причину, по которой на кровавый пир не при ехал князь Ингварь, летописец констатирует: «Инъгваръ же не оуспе приехати к нимъ не бъ бо приспело еще время его» [14, стб. 439].

При этом наиболее часто слово «время» употребляется в той части Лаврентьевской летописи, которая является Владимирским сводом XII в. Пассажи со словом «время» здесь в абсолютном большинстве случаев используются для обозначения протяженных временных отрезков и могут быть заменены выражением «того же лета». Немаловажно от метить и тот факт, что в начальной части «Повести» слово «время» используется значительно реже, при этом наблюдается рост количества упоминаний в XI в. В заключительной же части Лаврентьевского свода слово «время» встречается всего трижды и фраза «того же лета» практически всюду используется вместо него.

Таким образом, «Се повести временьных лет» — один из немногих случаев, когда «время» в «Повести» используется в широком, глобальном значении. Кажется, употребление такового значения именно во вступлении к «Повести» лишний раз подтверждает идейную направленность летописи и особенности восприятия исторического времени летописцем Средневековой Руси. При всем при этом в завершении свое го труда второй редактор «Повести» Сильвестр называет свой труд — «летописцем»: «Игуменъ Силивестръ святага Михаила написахъ книгы си Летописець» [14, стб. 283]. Можно предполагать, что, по крайней мере в начале XII в., смысл, вкладываемый в понятия «летописец» и «повести временьнъэх лет», был одинаковым. Это, быть может, и объясняет, почему на Руси в более поздние периоды истории не появляются «повести временных лет», а создаются летописцы.

Завершал историю человечества, ожидавшийся во все времена, апокалипсис — Судный день. Важно отметить, что он очень часто характеризуется как «скончание времен». Это очень емкое подтверждение идеи конечности времени в христианской исторической концепции.

Священное Писание неоднократно отмечало, что точная датировка данного события может быть определена лишь Богом, но не будет известна человеку до самого Судного дня. И тем не менее богословы с

самых ранних веков христианства, богословы на огромном пространстве от Римской Африки до Руси пытаются определить, когда же про изойдет Второе пришествие.

Не случайно еще Блаженный Августин епископ Гиппонский (354— 430), сопоставив библейский рассказ о семи днях творения и данные Второго послании Петра, 2:8, а также сравнения в других местах Библии: «…у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» — заключил, что Творец отмерил «человекам» 7 тыс. лет. После чего Августин предложил считать эти 7 тысячелетий от Рождества Христова, а не от Сотворения мира.

Даже история в сознании средневековых книжников представляла собой божественный шестоднев, о чем упоминает и известнейший древ нерусский астроном Кирик Новгородец: «О веках мира. От Адама до настоящего года минуло 6 веков, а седьмого века минуло 644 года. Тысяча лет составляет один век» [8, л. 344].

Несомненно, наиболее распространенной датой конца света на Руси считался 7000 год от Сотворения мира. Но эта дата не была единствен ной, так как мотив ожидания конца света и Второго пришествия присутствует и в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Иллариона. Считается, что «Слово» было прочитано перед пасхальной утреней вечером в Великую субботу, совпавшей с праздником Благовещения в новоосвященной церкви Благовещения на Золотых воротах 25 марта 1038 г. (т. н. кириопасха). По апокрифическому преданию, именно в такой год ожидалось Второе пришествие Спасителя [5, с. 355—368]. Точно так же обыгрываются эсхатологические мотивы и в составе летописного рассказа о битве на Калке, где автор связывает монгол с языческим народом Гог и Магог, который был заперт Мефодием Патарским и будет освобожден лишь перед концом света: «…инїи же глаголють яко се суть о нихже Мофедии єпископъ Патаромьскыи свидетельствуетъ яко сии суть вышли ис пустыни Етривьскїя сущи меж въсто комъ и северомъ ко скончанїю времени явитися имъ яже загна Гедеонъ и попленять всю землю от вьстока и до Ефраита и от Тигръ до Понтиис каго моря кроме Єфиопия» [14, стб. 503].

Таким образом, можно резюмировать, что в своей сути работа лето писца сводилась к систематизации событий и летописных статей предыдущих времен и одновременно с этим заполнению того все более и более суживающегося промежутка между часами собственно летописца и приближающимся концом времени.

Отдельно стоит отметить упоминание в летописях дней недели и календарных дат. Дело в том, что эти календарные даты не представлены равномерно, как следовало бы ожидать. Так, во Владимирском своде XII—XIII вв. (Лаврентьевский список) понедельник упоминается 6 раз, вторник — 9, среда и четверг — по 6, пятница — 7, суббота — 17, а воскресенье — 9. Разумеется, неравномерность эта связана и с тем, что определенные события согласно церковным правилам могли происходить лишь в определенные дни недели. При этом необходимо обозначить, что рост количества упоминаний дней недели приходится на конечную часть летописи, то есть XIII в. Кроме того, нередко дни недели

упоминаются под одним летописным годом, а иногда и описывают одно и то же событие. Интерес представляет и значительное количество упоминаний субботы в летописи. Пять раз слово встречается в «Повести об убиении Андрея Боголюбского», что составляет около трети всех упоминаний за все XII в. Думается, что это неслучайное совпадение и статья Ю. В. Кривошеева о возможном ритуальном убийстве князя представляет собой интересный взгляд на проблему, хотя параллель с Борисоглебским и Вацлавским циклами, а также Библией все же более вероятна [9, с. 71—85]. Естественно, частота упоминаний в летописи того или иного дня недели связана с тем, что события средневековой жизни часто были расписаны внутри недельного календаря.

Одни из интереснейших примеров древнерусского восприятия времени читаются в летописании времени Андрея Боголюбского. Как известно, летописание времени Андрея Боголюбского состоит из нескольких слоев. С одной стороны, это достаточно четко датированные записи, созданные при Успенском соборе Владимира. При этом записи лишены подробностей о князе и жизни княжеского двора и освещают в основном церковные события, при этом зачастую с враждебной Андрею позиции. С другой стороны, в Ипатьевской летописи читается источник, определяемый Ю. А. Лимоновым как «Летописец Андрея Боголюбского». Этот источник особенно интересен нам, так как его возможным автором мог быть сам Андрей Боголюбский [11, с. 61—69; 12, с. 241—247]. Интересно, что «Летописец» при картине богатой подробностями и интересными деталями не дает точных юлианских датировок, т. е., по сути, пользуется народной картиной времени, состоящей из времен года, счета по положению солнца на уровне: ночь — день, рассвет — закат и т. д.

Так, в описании событий на реке Муравице, куда в 1149 г. пришел авангард войск Юрия: дружины старших сыновей Ростислава и Андрея и половцы, обращает на себя внимание использование для определе-

ния времени обыденных представлений: «ночь», «день», «до света» и т. д.: «Ростиславу Дюргевичю с брамъ своимъ Андреемъ ходяче напе редъ с Половци и ставшимъ имъ оу Муравици и бы ночь пополохъ золъ яко Половцемъ всимъ бежати назадъ съ своею воеводою Жирославомъ сущю Андрееви на переде а брату его Ростиславу за нимъ стоящю и ва бящю к собе Андреи же не послуща его но стерпе пополохъ тои Андре ева же дружина приездяче к нему жаловахоуть что твориши княже и поеди княже прочь аже ли добудемъ сорома Андреи же не послуша ихъ но възложи надежю на Богъ пережда до света видивъ же Андреи и бе жавши Половци до света вси…» [15, стб. 389].

А под 1150 годом встречаются понятия: «утро», «зима», «осень»: «Андреи оста оу брата Переяславли празника деля честьнаго христа оуздви жения празноваша оу церкви святаго Михаила. честнъеи празникъ хре ста Господня на оутрии же день еха Андреи къ отцю в Киевъ Тое же осени да Гюргии. Андрееви сынови своему Туровъ Пинескъ и Пересопницю Андреи поклонивъся отцю своему и шедъ седе в Пересонници. Тое же зимы присылатися нача Изяславъ къ Андрееви…» [15, стб. 404].

Также встречаются в «Летописце» и элементы церковно-христианского календаря, но подобные отсылки используются автором памятника не в качестве прямой датировки. В процитированном выше пас саже она лишь поясняет причину задержки князя в Переяславле, не смотря на приглашение отца. В других случаях подобные датировки включаются в памятник в целях обоснования свершившегося чуда и подчеркивают благочестие самого возможного автора Андрея, как, например, в сражении под Луцком: «…и бысъ бо памятъ святаго Федора въ тъ денъ» [15, стб. 390].

Иногда «Летописец» сообщает о временной продолжительности того или иного явления, но при этом не дает четкой привязки события к летописной системе временных координат. Здесь заметна средневековая тенденция к восприятию единиц времени как

протяженных периодов, а не в качестве точек во времени, то есть не так, как мы это делаем сейчас: «…за г (3) неделе всего же стоянья ихъ оу Лучьска ѕ (6) недель…» [15, стб. 391].

Еще один пример восприятия времени «Летописцем» можно найти в пассаже, где Андрей уговаривает отца вернуться на Север до наступления зимы. Снова проявляются черты «нелетописного» восприятия времени Андреем: «Дюрги же остави оу Переяславли сына своего Глеба а самъ иде в Городокъ и Андреи испросися оу отца на передъ Суждалю река се намъ оуже отце В зде оу Рускои земли ни рати ни чтоже а за

тепла оуидемъ и пусти и отець и иде въ свои домъ а Гюрги иде в Горо докъ» [15, стб. 444]. Подведем некоторые итоги. Самым важным отличием от современного восприятия времени было то, что средневековые люди не воспринимали время как нечто безначальное и бесконечное. Наоборот, время осознавалось как отрезок между двумя точками: Творением и «скончанием времен». При этом история человечества организовывалась в свое образный шестоднев на основе библейских цитат о божественных и мирских днях. Впрочем, и все более мелкие единицы счета воспринимались в качестве отрезков, а не точек во времени. Особенно ярко видится картина нелетописного (т. е. без отсчета времени от сотворения мира) восприятия времени в личном летописце Андрея Юрьевича Боголюбского, где очень часто появляются моменты, когда время пони мается не в его летописной концепции. Немаловажно отметить, что подобные особенности в восприятии времени встречаются в данном месте летописи только в пассажах, касающихся двоюродных братьев Изяслава Мстиславича и Андрея Боголюбского. При этом часть пассажей можно приписать как «Летописцу Изяслава», так и «Летописцу Андрея». Затем подобные характеристики до 1180х гг. пропадают из Ипатьевской летописи. Впрочем это далеко не единственный пример подобной организации исторических сюжетов. Позднее, в XIII в., записи о Галицко-Волынской земле тоже будут изначально организованы без привлечения датированных событий и будут представлять со бой сюжетный рассказ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бережков, Н. Г. Хронология русского летописания / Н. Г. Бережков. М. : АН СССР, 1963. 378 с.
2. Гиппиус, А. А. «Повесть временных лет» о возможном происхождении и значении названия / А. А. Гиппиус // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М., 2000. С. 448—460.
3. Громов, М. Н. Время и его восприятие в Древней Руси / М. Н. Громов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2. С. 7—17.
4. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. М. : Искусство, 1984. 350 с.
5. Данилевский, И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.) / И. Н. Данилевский. М. : АспектПресс, 1998. 399 с.
6. Данилевский, И. Н. Символика дат и название «Повести временных лет» / И. Н. Да нилевский // Источник. Метод. Компьютер, Барнаул, 1996. С. 11—22.
7. Журавель, А. В. Лунно-солнечный календарь на Руси. Новый подход к изучению / А. В. Журавель // Астрономия древних обществ. М. : Наука, 2002.

8. Кирик Новгородец. Наставление, как человеку познать счисление лет / Кирик Нов городец // Историко-математические исследования, 1953. № 6. 1953. С. 175—195.

9. Кривошеев, Ю. В. Андрей Боголюбский и его окружение (три этюда) / Ю. В. Кри вошеев // Исследования по русской истории. Сб. ст. к 65летию профессора И. Я. Фроя нова. СПб.; Ижевск : Издво. Удмуртского унта, 2001. С. 71—85.
10. Кузьмин, А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания / А. Г. Кузьмин. М. : Издво МГУ, 1977. 394 с.
11. Лимонов, Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси / Ю. А. Лимонов. Л. : Наука, 1967. 196 с.
12. Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Ли хачев. М.; Л. : Наука, 1949. 449 с.
13. Подскальски, Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.) / Г. Подскальски // Subsidia Byzantinorossica, 1. СПб. : Византинороссика, 1996. 572 с.
14. Полное собрание русских летописей: в 30 т. Т. 1. Лаврентьевская летопись / пре дисл. Б. М. Клосса. — Репринтное изд. с 1908 г. М. : Языки русской культуры, 1998. 379 с.
15. Полное собрание русских летописей: в 30 т. Т. 2. Ипатьевская летопись / Предисл. Б. М. Клосса. — Репринтное изд. с 1908 г. М. : Языки русской культуры, 1998. 391 с.
16. Рыбаков, Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» / Б. А. Рыба ков. М. : Наука, 1972. 520 с.
17. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И. И. Срезневский. Т. 3. СПб., 1893—1912.
18. Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси / Б. А. Успен ский. М. : Языки русской культуры, 2000. 128 с.
19. Черепнин, Л. В. Русская хронология / Л. В. Черепнин; под. ред. проф. А. И. Андре ева. М. : Главное архивное управление НКВД СССР, 1944. 94 с.
20. Franklin, S. Borrowed time: Perception of the past in Twelfthcentury Rus’ / S. Franklin // The Perception of the past in twelfthcentury Europe. London : Cambridge University Press, 1992. P. 156—171.
21. Slovnic jazyka staroslovenskeho (Lexicon linguae paleoslovenicae). Praha, 1958—1997. 4 vol.